

М.М. Лоевская (Москва, Россия)

Зарубежные воспоминания русских заключенных 20-х годов XX века

Аннотация: Статья посвящена воспоминаниям соловецких узников – генерала-майора Ивана Зайцева и архимандрита Феодосия (Алмазова), – написанным за рубежом после побега из СССР. В их мемуарах Соловецкий Лагерь Особого Назначения показан по-разному, но главным становится обличение бесчеловечного режима большевиков, описание беззаконий, творимых на Соловках в период первой волны сталинских репрессий.

Ключевые слова: Соловецкий Лагерь Особого Назначения, Соловки, Иван Матвеевич Зайцев, архимандрит Феодосий (Алмазов), воспоминания

М.М. Loyevskaya (Moscow, Russia)

Russian Prisoners' Memories of the 1920ies

Abstract: The article deals with the memoirs of Solovki prisoners – Major General Ivan Zaitsev and Archimandrite Theodosius (Almazov), that were written by them abroad after escaping from the USSR. In these memoirs, the Solovki Special Purpose Camp is shown in different ways, but the main thing is the condemnation to the inhuman regime of the Bolsheviks, a description of the iniquities perpetrated on Solovki during the first wave of Stalinist repression.

Key words: Solovki Special Purpose Camp, Solovki, Ivan Matveevich Zaitsev, Archimandrite Theodosius (Diamonds), memories

В начале 1930-х гг., почти одновременно, бывшими заключенными Соловецкого Лагеря особого Назначения – генералом-майором Иваном Матвеевичем Зайцевым и архимандритом Феодосием (Алмазовым) написаны воспоминания о Соловецкой каторге, которую оба прошли в середине 1920-х гг. И тому и другому удалось бежать из СССР. Практически сразу после побега описывает «семь кругов ада» И.М. Зайцев в книге «Соловки. Коммунистическая каторга или место пыток и смерти», которая будет опубликована в Шанхае в 1931 г., в 1936 г. там же выйдет вторая книга – «Четыре года в стране смерти». Он обличает преступный режим, «международных уголовных преступников» – правительство советской России, «зверевших чекистов, утративших в моральном смысле образ и подобие человека»¹.

¹ *Зайцев И.М.* Соловки. (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти). Из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений. В 2 ч. (С приложением четырех планов). Шанхай:

В 1997 г. издательство Крутицкого Патриаршего подворья выпустило в свет 13-ю книгу серии «Материалы по истории церкви» – воспоминания архимандрита Феодосия (Алмазова).

Свои воспоминания архимандрит Феодосий написал в 1931–1933 гг., после побега из СССР, в 1935 г. они поступили в Прагу, в Русский заграничный архив, судьба которого необычна. В 1946 г. в Академию наук СССР военным транспортом (9 вагонов эшелона) были доставлены 650 ящиков, в которых находился Русский заграничный исторический архив: документы и материалы по истории России XIX – начала XX в., а также материалы о Русской Православной Церкви за границей. Среди них оказались воспоминания архимандрита Феодосия Алмазова и его личное дело¹.

Лишь через полвека личное дело и воспоминания арх. Феодосия будут опубликованы. Личное дело представляет собой достаточно скупой, официально-сдержанный рассказ с перечислением дат, событий жизни архимандрита Феодосия Алмазова (учеба, рукоположение, места служения, арест). Этот документальный материал, вне всякого сомнения, чрезвычайно ценен, но недостаток его заключается в том, что он скрывает от нас духовный облик личности, внутренний мир, переживания, борения, искания. Воспоминания этот «недостаток» восполняют. В отличие от биографии, они помогают самораскрытию духовного мира автора, дают оценку, пусть и субъективную, важнейшим историческим событиям, известным политическим и религиозным деятелям, делают повествование эмоционально-экспрессивным, психологически подробным. Записки бывшего заключенного освещают не весь жизненный путь арх. Феодосия, а лишь тот период, который стал для него и сотен тысяч русских людей годиною жестоких гонений и тяжелых испытаний – с 1917 по 1930 г.

В 1926 г. он будет арестован за «религиозную пропаганду», обвинен в шпионаже в пользу Польши и, без вины виноватый, осужден на «три года каторжных работ» на Соловках (в заключении пробудет 2 года); летом 1929 г. этапирован в Нарымский край (южный район Томской области) в ссылку (с. Каргасок), откуда совершит побег в Томск, далее по железной дороге в Бессарабию; переплыв пограничную реку Днепр, арх. Феодосий окажется за рубежом, в эмиграции: «Я ждал смерти на далеком севере, а Господь благословил жизнь на горячем юге. Слава Господу!» (стр. 84).

Практически сразу после побега, можно сказать, «по горячим следам», арх. Феодосий (Алмазов) приступает к описанию и осмыслению пережитого. В своих воспоминаниях с подзаголовком «Записки соловецкого узника» он описывает не только историю собственных злоключений и страданий, но также волнующие его явления политической и религиозной жизни, дает необычные и неожиданные характеристики многим известным историческим личностям.

Своеобразие композиции воспоминаний заключается в нарушении хронологии событий при расположении 6 глав. Также бросается в глаза диспропорция глав и их названий². Следует отметить, автор намеренно нарушает хронологическую последо-

---

Типография изд-ва «Слово», 1931.

¹ www.evangelie.ru В настоящее время воспоминания хранятся в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 2. Д. 73. Автограф). См. также: *Одинцов М.И.* От публикатора // Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания: (Записки соловецкого узника) / Подг. текста и публ. М.И. Одинцова; примеч. и коммент. И.В. Соловьева; О-во любителей церковной истории. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. С. 7–8. (Материалы для истории Церкви; кн. 13). Далее цитируется по этому изданию. Страницы указаны в скобках.

² Сравн.: Гл. I «Побег» и Гл. V «Отношение христианской культуры и ее насадителя, руководителя и хранителя Христианской Церкви к богоборческой коммунистической власти – насадителю материалистической культуры. Возможно ли между ними “мирное” сожительство как в России, так и в международном масштабе?».

вательность изложения: в первую очередь он пишет о главном – о спасении из ада, о том, как смог вырваться из «львиных челюстей». Он признает, что «систематические и хронологические методы переплетаются иногда причудливо»; осознает, что его будут упрекать в том, что записки «с технико-литературной стороны не являются ни систематическим изложением материала, ни хронологическим» (стр. 28).

Так оно и случится. Биографы архимандрита будут отмечать «сбивчивость», «тенденциозность» воспоминаний, объясняя их «весьма посредственными литературными дарованиями» арх. Феодосия¹.

На наш взгляд, в воспоминаниях наиболее ярко проявилось личностное начало автора, который предстает как человек с сильной волей, независимый, бескомпромиссный, но со сложным, неумным характером. Стремясь выразить те чувства, которые владеют его душой, он прибегает и к просторечиям («рыльце в пушку», стр. 72); церковь теснят «не дубьем – а рублем», стр. 73), и к разговорной интонации («чай, думаю...»), бранной лексике («шкурники»), не раз прерывает собственное повествование. Порывистый, взволнованный, насыщенный едкой иронией стиль повествования объясняется психологическим состоянием автора: воспоминания бередают душу, вызывают неутраченную боль – «Ужасно, лучше забыть, забыть...» (стр. 14).

По собственному выражению, он 13 лет «гнил в разложившейся России», поэтому всей душой ненавидит «хамствующий коммунизм» (стр. 36) и «чванливых коммунистов», презирает этих «пачкунов проклятых», «сорок короткохвостых» (стр. 23), злорадствует, что обманул «глупых коммунистов», с яростью проклинает Советскую власть («Будь ты проклята, Совдепия!», стр. 26), «творцов» Октябрьского переворота («Да будут творцы ее прокляты!», стр. 84), большевиков («Да будете большевики прокляты!»), – озлобленность интонаций, резкость и грубость выражений придают повествованию эмоциональную экспрессивность и психологическую напряженность.

Отдельные исследователи трагического периода гонений на Русскую Церковь отмечают фактические неточности в воспоминаниях арх. Феодосия, касающиеся как отдельных исторических событий, так и некоторых лиц². Сам автор утверждает, что главное для него при описании – «верность действительности» (стр. 129), а записки должны быть заслуживающими абсолютного доверия. Себя же арх. Феодосий характеризует как «лицо умеющее видеть, слышать и наблюдать, ко всему подходить с критической оценкой». Он предупреждает, что «подробности объяснить не следует. Всё описывается... верно, но из-за умолчаний кое-что может показаться непонятным. Ничего не поделаешь: надо оберегать других» (стр. 15).

Центральное место в его воспоминаниях занимают Соловки, куда, по словам арх. Феодосия, стали ссылать «нежелательные элементы» – «правлящий класс», «свободомыслящую интеллигенцию», «состоятельные элементы» (стр. 75) для истребления; «рабочих и крестьян, не повинующихся каторжному режиму». Однако бросается в глаза, что в этом перечне почему-то не упоминается священство.

Путь на Соловки начался с Кеми, куда в июле 1927 г. прибыл этап из 600 человек. На удивление, путь этот оказался не таким тяжелым: «везли без особых стеснений, в обычных пассажирских вагонах и обращение конвоя с арестантами... было внимательное. <...> Повезли нас в три часа утра, а в семь часов нас высадили в Соловках. И опять поместили в карантин тринадцатой роты. Она помещается в пристройке к главному собору и в самом соборе» (стр. 75). Следует пояснить, что тринадцатая,

¹ Соловьев И. Предисловие // Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания. С. 3.

² Соловьев И. Предисловие // Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания. С. 3.

так называемая «карантинная», рота располагалась в Троицком соборе». Арх. разместили в «светлой комнате – бывшем правом приделе собора» (стр. 75).

Судя по описанию камеры, он находился в Зосимо-Савватиевском приделе Троицкого собора, где помещалось еще около 50 человек. Как правило, в течение нескольких недель «карантинников» отправляли на самые тяжелые работы: лесозаготовки и торфоразработки – именно они унесли наибольшее количество жизней заключенных; оставшиеся в живых становились инвалидами и калеками. Жестокий, изнурительный каторжный труд становился губительным для большинства заключенных. Первые четыре дня арх. Феодосия, «как старика, не беспокоили» (стр. 76). Он получил вторую категорию по трудоспособности, которой разрешалось не работать и получать «мертвый» паек (стр. 76). С удивительной точностью и скрупулезностью он отмечает, сколько какой паек стоил (основной – 3 р. 78 к., трудовой – 4 р. 68 к., усиленный – 8 р. 32 к.; стр. 77), признает, что пайки работающих по надзору ему неизвестны, но предполагает, что они были во много раз больше других. Однако после доноса арх. Феодосию пришлось все-таки выйти на работу, «пустую, легкую и, главное, нелепую, никому не нужную» (стр. 81), – собирать щепки на новой постройке. Через несколько дней там же он стал сторожем, затем счетоводом эксплуатационно-коммерческой части, так как счетоводство «знал отлично и великолепно, безошибочно и быстро считал на счетах» (стр. 82); позже его назначили помощником делопроизводителя Главной бухгалтерии лагеря. «Работа в делопроизводстве мне понравилась» (стр. 81), – вспоминает арх. Феодосий. Однако после такого, казалось бы, «взлета» ему вновь пришлось стать сторожем («работа... очень приятна – всегда на свежем воздухе, дела никакого», стр. 82) и охранять кузнецы, доки, склад с инструментами и... женский барак.

В бывшей монастырской Архангельской гостинице за забором и колючей проволокой был устроен женбарак. Первый этаж занимал «асоциальный элемент» – воровки и проститутки, второй – «благородные» обитательницы. Не без иронии арх. Феодосий замечает, что ему «больше, чем кому-нибудь другому, доверяли женскую часть» (стр. 84). Неоднократно ему приходилось становиться свидетелем жизненных драм, на его глазах женщины ночью убегали из барака на ночные свидания, а возвращались с какой-нибудь пирушки в лесу под утро «избитые, плачущие, растерзанные» (стр. 83). В лагере, по словам арх. Феодосия, «процветала свободная любовь», но он не осуждает, не клеймит позором, но, напротив, с сочувствием относится к этим несчастным: «ведь это же живые люди» (стр. 83).

Порой арх. Феодосий неожиданно проявляет удивительную осведомленность о разных любовных историях, которым также уделяет внимание в своих воспоминаниях, так как они являются частью лагерной жизни: это и сцены ревности со слезами и истериками, громкие истории с показательным судом над обвиняемыми в «любовных преступлениях». Участницами этих историй являлись не только уголовницы, но и аристократки (например, Благова и Баранова, у которых мужья были расстреляны большевиками, «в Соловках увлекались любовью», стр. 81; у последней был роман с командиром двенадцатой роты, «ему было 32 года, а ей – 22», стр. 102). Возмущение вызывает Шепелев, который одаривал свою любовницу Лизу деньгами, пайками, отдал ей шубу, присланную женой, которая, помимо прочего, писала ему «милые письма» (стр. 87). Не обходит стороной арх. Феодосий и отвратительную, гадкую историю Юповича, заведовавшего собачником, с прачкой. Автор воспоминаний признается, что писать ему об этом омерзительно, но приходится, дабы «предметно разоблачать большевиков. Сослав этого мерзавца

в Соловки, чекисты все-таки были с ним дружны и откровенны. Значит, подобные типы им нравятся и нужны» (стр. 106).

К подобным типам можно отнести «всякого коммуниста, попавшего в Соловки». Они сразу оказывались на административных или командных должностях. Но «наполняют они девятую роту» – «отверженных» (стр. 78). Условия их жизни значительно отличались от жизни других заключенных: они получали паек до 30 руб. в месяц, имели отдельную кухню, стол (одной из кухарок была княжна Гагарина), уборщиков; катались на лодке по Святому озеру, занимались спортом на спортплощадке, зимой – на катке¹. Они держались особняком, не сходились с беспартийной массой, но и она относилась к ним брезгливо, инстинктивно их избегала, презирала за «комчванство» – и имела на то право! В большинстве своем проштрафившиеся партийцы были «прохвосты из прохвостов» (лесник Головацкий-Романенко, стр. 78), непорядочные и двуличные (начальник шестого отделения Сотников, стр. 101), негодяи-изверги (комендант Борисов, командир роты Шмидт, стр. 94).

Нелестно отзывается арх. Феодосий о монахах бывшего Соловецкого монастыря. Бывший ризничий – «большевизировавшийся» иеромонах Серафим – грубо обращался не только с заключенными священниками, но и с архиереями, до столкновений дело доходило у вл. Прокопия с наместником обители (имя его и причины конфликтов не упоминаются, стр. 100). Автор не скрывает, что отношения даже между заключенными иерархами были зачастую недружелюбными и враждебными. Он не просто это констатирует, но пытается передать «соловецкую атмосферу, весь тамошний удушающий быт» (стр. 89).

Однако и о заключенных иерархах арх. Феодосий отзывается весьма критично. Так, например, архиеп. Гавриил (Воеводин), по его оценке, бездарный (стр. 69); еп. Сергей – малообразованный (стр. 69); у еп. Григория характер неуживчивый и т. д. Со свойственной ему резкостью он обличает «никчемных рясоносцев»; претят ему «шкурничество церковного совета», ненавистна «советизированная русская церковь».

Епископат, по его мнению, проявлял «излишнее важничанье», «держал себя очень гордо с заключенным духовенством» (стр. 102). «В Соловках, как и здесь за границей, хотели знать себя владыкам» (стр. 100), – с горечью отмечает арх. Феодосий. Обидным ему кажется, что, с одной стороны, с ним они обращались вежливо, с другой – для обсуждения общецерковных дел не приглашали. Отчасти это можно объяснить тем, что сам арх. Феодосий был человек не беспроблемный и владыки знали о его несдержанности в проявлении своих чувств. Он и сам признает, что даже на допросах держался вызывающе, был груб и резок с конвоем², однажды за украденную вещь избил «шпану» (стр. 91).

Возмущает арх. Феодосия и то, что каждое утро в шестой роте – «святейшей»³ – двенадцать-тринадцать иереев брали благословение у архиереев, что «при тесноте помещения составляло ненужную толкотню. Многие из иереев очень равнодушны были к оказанию внимания епископам. И правы были. Эти последние любили помогать светским более чем духовным» (стр. 102). Но искренне он восхищается «архиереями, достойно носящими свои шелковые мантии, иереями,

¹ Во отце океана моря... Книга паломника Соловецкой обители / Сост. М.В. Осипенко. М., 2008. С. 239.

² За грубость с конвоем был отправлен в наказание в «отрицательную» роту – это было пять дней «ада кромешного».

³ «Святейшей» называлась потому, что в ней отбывали наказание священники различных религий и верований.

смело и бодро смотрящими в глаза смерти, мирянами, честно исполнившими свой христианский долг защиты дорогих святынь» (стр. 61). «Великой печалью для Русской Православной Церкви» называет он смерть патриарха Тихона, который стал «символом духовной мощи верующей России» (стр. 69). Ни на минуту не сомневается арх. Феодосий в том, что патриарх был злодейски убит – «умер от отравления, но не от приступа астмы».

К числу своих «благодетелей» о. Феодосий относит архиеп. Илариона и Петра, еп. Антония, Василия, Григория (последний нуждался сам). Но он лишь сдержанно констатирует, что владыки ему помогали, не выражая особой признательности и благодарности. Наверное, это подразумевалось как само собой разумеющееся.

Арх. Феодосий не делает портретных описаний владык, но вспоминает отдельные эпизоды из их лагерной жизни: празднование праздника Покрова Пресвятой Богородицы с преосвященным Иларионом – бывшим ректором Московской духовной академии, а на Соловках – лесником. Замечает, что «служба в лесничестве была привилегированной», работы было мало да и та без контроля (стр. 86). Сам арх. Феодосий в течение тринадцати месяцев занимался в лесничестве счетоводством и свое дело выполнял, по собственной оценке, блестяще. То есть из двух лет один был проведен в относительно благоприятных для соловецкой каторги условиях. Во время празднования Покрова были «речи, яства, чай – уютно, назидательно и сытно» (стр. 93). Арх. Феодосий неоднократно вспоминает чаепития с архиеп. Иларионом и его неизменное гостеприимство. Также неоднократно он будет утверждать, что архиеп. Иларион (Троицкий) после двойного срока на Соловках (3 + 3), заразившийся тифом, в итоге был отравлен. Ссылаясь на книгу И.М. Зайцева, архимандрит высказывает предположение, что «архиеп. Илариона пробовали отравить, но его сильный организм не поддавался яду. Очевидно, таковой ему был влит укол, когда он болел тифом в Петрограде и организм был ослаблен. Несомненно, архиеп. Иларион в Петрограде умер от отравления. Тиф, вероятно, был тоже искусственно привит помещением в одну камеру с тифозными» (стр. 106).

После отправки из Соловков священномученика архиепископа Илариона (Троицкого) главой соловецкого православного духовенства ссыльными архиереями был избран архиеп. Петр (Зверев). Именно он возглавлял тайные богослужения, а после того как у духовенства был отобран антиминос, службы совершались на груди у архиепископа Петра. В наказание за совершение таинства крещения (крестил в Святом озере эстонку) владыка был отправлен на остров Анзер – шестое отделение лагеря, куда, по сути, увозили умирать тяжело больных и инвалидов. Арх. Феодосий представляет свое видение и трактовку этого трагического события.

С преосвященным Петром он был знаком еще по Москве, когда тот был иеромонахом-настоятелем Московского епархиального дома (1904–1905 гг.). На Соловках владыка Петр, поступив в каптерку первого отделения (Кремль), «повел дело широко: приемы заключенных, беседы, ужины» (стр. 93). «Счетоводом он был плохим, да некогда было и работать» (стр. 93). По доносу диакона Лелюхина владыку перевели в пятую роту. Тот же Лелюхин бесцеремонно выкинул вещи вл. Петра на панель – «это был неслыханный на Соловках скандал» (стр. 93). После этого скандала архиеп. Петр «был отправлен в шестое отделение на командировку “Троицкая” – она была штрафной» за организацию в концлагере общения и помощи среди заключенного духовенства.

Сам арх. Феодосий в январе 1929 г. был переведен счетоводом в хозчасть шестого отделения. На Соловках уже царил голод, начал свирепствовать тиф, поэтому во-

дворение в хозчасть стало для него спасением – «был сыт <...> квартира была суха, тепла, просторна и народ хороший». Благодаря работе счетовода арх. Феодосий был в курсе «количества жертв, больничных беспорядков и преступлений на Голгофе», так как ведал учетом и распределением пайков и продуктов по всему шестому отделению. В связи с большим количеством смертей (за восемь месяцев от тифа погибло до 500 человек) развился «целый промысел», связанный с наживой «посредством кражи и распродажи имущества и денежных квитанций» умерших (стр. 92). Кроме того, по утверждению арх. Феодосия, комендант Борисов и командир второй роты Голгофы Шмидт «умышленно, посредством тайных ядовитых укулов отправляли на тот свет тифозных и именно тех, от которых можно было поживиться» (стр. 92).

Заразился тифом и владыка Петр (Зверев). Благодаря доктору, который посвятил больному владыке «все силы, знания и лекарства», архимандрит был в курсе хода болезни, с радостью узнал он о том, что кризис миновал и появилась надежда на выздоровление. Однако 7 февраля 1929 г. – на праздник любимой им иконы «Утоли моя печали» – владыка скончался. Арх. Феодосий полагает, что архиеп. Петра (Зверева) «убили отравой» (отравили) в корыстных целях – чтобы воспользоваться его имуществом («...он был убит – несомненно», стр. 95).

Для погребения владыки Петра из «Кремля прислали мантию, омофор, крест и пр.» (стр. 101). В строительном подотделе были заказаны гроб и надгробный крест. Однако «не разрешено было громкое отпевание и в облачении», мало того, было приказано тело усопшего владыки бросить без отпевания в «свалочную яму»¹ со «шпаную», уже доверху наполненную телами. «Отпевание совершили заочно утром в канцелярии хозяйственной части и повезли гроб с крестом на Голгофу. Действительно, могила общая не была закрыта и уже почти готова была особая могила для погребения архиеп. Петра. Его священные останки лежали в длинной рубаше у края общей могилы. Изъять его оттуда было удобно, что мы и сделали. Плюнув на все запретительные меры начальства, торжественно облачили Владыку в монашескую мантию и клобук, одели омофор, пояс, дали в руки крест, четки, Евангелие и громко совершили отпевание. Собралось до 20 человек (и Янчевский), произнесли речи, опустили священные останки в могилу, водрузили крест, впоследствии сделали надпись на нем и разошлись восвояси рыдающе и бия себя в грудь (Лк. 23, 48). Вечная память замученному большевиками! Он умер 53-х лет» (стр. 101–102).

Воспоминания о пребывании на Анзере и описание Секирки являются самыми трагическими в книге арх. Феодосия (Алмазова). Ему самому пришлось пройти через ужасы заключения в Кирилловской зоне среди «шпаны», на «мертвом пайке», изнемогать от голода, страдать от грязи и вшей; пережил он и штрафную командировку на Капорке.

Об ужасах, преступлениях, расстрелах в штрафном изоляторе на Секирной горе говорится почти во всех воспоминаниях соловецких узников. Арх. Феодосий также пишет о самом страшном месте на Соловках, но основываясь уже не на личном опыте, а на рассказах очевидцев (Якубовского, Титова). Так, Якубовский поведал ему, как за невыполнение урока зимой четыреста человек были выведены в одном белье на мороз, всем приказали лечь на снег: «Многие замерзли. Многие отморозили себе руки, ноги». Изувера-начальника, виновного в этом зверстве, расстреляли, но «причина расстрела, конечно, в том, что виновные без нужды искалечили даровую рабочую силу» (стр. 97). Человек превращался в рабочую скотину, причем в прямом смысле этого слова. При заготовке дров посылали ВРИДЛЮ (временно исполняю-

¹ В такой «свалочной яме человеческих тел» погребалось до 30 трупов (И. Зайцев).

щей должность лошади) – вместо лошади в сани запрягали пять человек. Группа заключенных «должна была выполнить норму 1 лошади»¹. Обессиленных, больных, уже бесполезных, с точки зрения лагерного руководства, «списывали» – отправляли в шестое отделение, где «почти не кормили и даже “мертвый паек” выдавался не полностью, ибо инвалиды неспособны к работе» (стр. 97).

На Секирке штрафников в первое время на работы не посылали, кормили «со всем худо – гнилью и в малом количестве» (стр. 98). Днем сажали на «жердочки» («“жердочка” зимой прямо не переносима, ибо крыша... с дырами, а окна разбиты», стр. 98), ночью «спали на голом полу, без одеяла, без покрывки»: «Три четверти арестантов оттуда выходят вечными калеками».

Конечно, некоторые заключенные пытались вырваться из соловецкого ада. Арх. Феодосий упоминает, без подробностей, о побеге из восьмой роты нескольких морских офицеров в августе-сентябре 1928 (стр. 103). Пишет он об этом только понаслышке, но твердо знает, что «этих не поймали». Следует отметить, что к белому офицерству архимандрит не испытывал ни сочувствия, ни симпатии, потому что многие из бывших белогвардейцев, не принимавших участия в гражданской войне, надеялись «спокойно при новом строе доживать свои дни, а то и поработать для славы новых порядков». Это расценивается арх. Феодосием как предательство. Без сожаления сообщает он о расстреле трех тысяч человек: «...большевики, не желая их услуг, всех расстреляли – “по делам вору и муки”» (стр. 104).

После побега морских офицеров с Соловецкого острова начались массовые расстрелы. Один из известных произошел 29 октября 1929 г. Об этом арх. Феодосий скорее всего не знал, так как в июле 1929 г. его «разгрузили» – «разгрузочной» комиссией из Москвы этап из шестисот инвалидов переправили в Кемь. Пройдет немного времени, и сам арх. Феодосий вырвется на свободу и поведаст миру о зверствах большевиков.

Почти одновременно с арх. Феодосием (Алмазовым) воспоминания о Соловецкой каторге оставит бывший генерал-майор Генерального штаба И.М. Зайцев². Отношение арх. Феодосия к его книге будет неоднозначным. С одной стороны, он признает, что генерал Зайцев описал «соловецкую каторгу с исключительной правдивостью и беспристрастием», с другой – со свойственной ему резкостью, арх. Феодосий критикует «плаксивый тон» книги и видит в этом «стремление разжалобить старую проститутку Европу величиной и глубиной неизмеримых страданий русского народа. Идеалистические побуждения старой проститутке чужды...» (стр. 105). И тем не менее книгу Зайцева о «страданиях русского народа в Соловках» арх. Феодосий считает, и не без основания, «замечательной, правдивой в высшей степени». Это воспоминания о «мучениках христианской культуры – лучших людях истории» (стр. 107).

Арх. Феодосий надеется, что «потомству останутся подробные... записки» и уверен, что «историк всем воспользуется» (стр. 15). Ценными становятся сведения о каждой личности, прошедшей путь мученичества и исповедничества в советской России.

Обращение к прошлому неизбежно и обращение это неизбежно приводит к осмыслению важнейших событий собственной и общественной жизни. По-разному одни и те же факты предстают в воспоминаниях, записках, мемуарной литературе. Это вполне естественно, так как взгляд у каждого свой, субъективный. И это

¹ Во отце океана моря... С. 236.

² *Зайцев И.М.* Соловки. (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти). Шанхай, 1931.

на самом деле хорошо, так как помогает не только сломать привычные стереотипы – исторические, культурологические, – но и найти истину. «Ушедшие оставляют нам часть себя, чтобы мы ее хранили, и нужно продолжать жить, чтобы и они продолжались. К чему, в конце концов, и сводится жизнь, осознаем мы это или нет. Мы – это они...»¹.

ЛИТЕРАТУРА

Во отце океана моря... Книга паломника Соловецкой обители / Сост. М.В. Осипенко. М., 2008. 358 с.

Зайцев И.М. Соловки. (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти). Из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений: В 2 ч. (С приложением четырех планов). Шанхай: Типография изд-ва «Слово», 1931. 477 с.

Из речи И. Бродского, произнесенной на вечере памяти Карла Проффера // Звезда. 2005. № 4. magazines.russ.ru/zvezda/2005/4/bro8.html

Одинцов М.И. От публикатора // Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания: (Записки соловецкого узника) / Подг. текста и публ. М.И. Одинцова; примеч. и коммент. И.В. Соловьёва; О-во любителей церковной истории. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. С. 6–8 (Материалы для истории Церкви; кн. 13).

Соловьёв И. Предисловие // Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания: (Записки соловецкого узника). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. С. 3–6.

REFERENCES

Vo Otoce Okeana Morya... The Book of the Pilgrim of the Solovetsky Monastery / Compiled by M.V. Osipenko. Moscow. 2008. 358 p.

Zaytsev I.M. (1931) Solovki. (Communist Hard Labor, or A Place of Torture and Death). From personal suffering, experiences, observations and impressions: In 2 parts. (With four plans.) Shanghai. Typography Publishing House "Slovo". 477 p.

From the Speech of Joseph Brodsky at the Evening in Memory of Carl Proffer. *Zvezda*. 2005. No 4. magazines.russ.ru/zvezda/2005/4/bro8.html

Odintsov M.I. From the Publisher. In: Theodosius (Almazov), Archimandrite. My Memories: (Notes of the Solovetsky Prisoner) / Publ. by M.I. Odintsov; notes and comments by I.V. Solovyov; Society of Amateur of Church History. Moscow. Krutitsy Patriarchal Metochion Publ. 1997, pp. 6–8 (Materials for Church History; Book 13).

Solovyov I. Foreword. In: Theodosius (Almazov), Archimandrite. My Memories: (Notes of the Solovetsky Prisoner). Moscow. Krutitsy Patriarchal Metochion Publ. 1997, pp. 3–6.

Сведения об авторе:

Маргарита Михайловна Лоевская,
доктор культурологии
профессор
факультет иностранных языков
и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Margarita M. Loyevskaya,
Doctor of Cultural Studies
Professor
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University
mloevskaya@mail.ru

¹ Из речи И. Бродского, произнесенной на вечере памяти Карла Проффера // Звезда. 2005. № 4. magazines.russ.ru/zvezda/2005/4/bro8.html